

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Возможность исследования эффективности деятельности защитника в стадии предварительного расследования вытекает из того, что последняя является относительно самостоятельным этапом уголовного судопроизводства, заканчивающимся определенным фактическим и юридическим результатом. Необходимость такого исследования обусловлена тем, что назначать адвоката нужно уже на данной стадии, поскольку и здесь должны быть реализованы некоторые права и законные интересы обвиняемого. Участие на предварительном следствии того или иного защитника вовсе не означает, что он же будет участвовать в судебном разбирательстве и на последующих стадиях. Согласно существующему порядку, поручение оформляется на каждую стадию отдельно, ибо обвиняемый может отказаться от данного адвоката или защитника вообще. Наконец, дело в целом может ограничиться стадией предварительного расследования. Таким образом, речь может идти лишь об особенностях результата, которым она оканчивается, а точнее, об особенностях затрагиваемых этим результатом интересов подзащитного. Они, на наш взгляд, заключаются в следующем.

С юридической стороны в качестве таковых можно назвать то, что здесь нет осуждения обвиняемого, т. е. возложения на него уголовной ответственности, а тем более назначения наказания, т. е. применения санкции уголовного закона. Но тем не менее — привлечение лица к уголовной ответственности начинается именно в стадии предварительного расследования (см.: 14, с. 29—72).

Требования уголовно-процессуального закона к фактическому результату рассматриваемой стадии процесса ничем не отличаются от таковых в судебном разбирательстве, ибо объективная истина также должна быть установлена. В качестве единственной особенности можно отметить: именно на органы расследования возложена задача «быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных» (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, ст. 2 УПК РСФСР). Другое дело, что у следователя несколько иные условия выяснения

обстоятельств дела, чем у суда, а у защитника меньше возможностей влиять на ход и результаты следствия по сравнению со стадией судебного разбирательства. С тем большей ответственностью должны государственные органы и адвокат подходить к использованию каждого средства, предоставленного им законом для установления истины.

С учетом сказанного законные интересы обвиняемого применительно к анализируемой стадии судопроизводства будут заключаться, по нашему мнению, в стремлении: 1) к тому, чтобы были установлены все обстоятельства, свидетельствующие в его пользу; 2) не быть привлеченным в качестве обвиняемого, если он в действительности не виновен; 3) не быть привлеченным в качестве обвиняемого за более тяжкое преступление, чем он в действительности совершил; 4) не быть подвергнутым необоснованному применению мер процессуального принуждения и ущемлениям других личных и имущественных прав. Реализация указанных интересов подзащитного и должна быть предметом заботы адвоката на предварительном следствии. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что здесь он еще не может судить о законности интересов обвиняемого, выработать окончательную позицию (см.: 17, с. 14—16).

Исследование эффективности участия защитника именно в доказательственной деятельности возможно, на наш взгляд, по той причине, что установление фактических обстоятельств дела рассматривается в общей теории права в качестве относительно самостоятельной стадии правоприменительного процесса (см.: 10, с. 39; 8, с. 51), а уголовное судопроизводство является разновидностью последнего (см.: 7, с. 7). В связи с этим в числе других ошибок правоприменения выделяют группу так называемых «фактических» ошибок (см.: 2, с. 66; 6, с. 129). В процессуальной литературе отмечается также, что «основной вопрос уголовного дела складывается из двух разнопорядковых, хотя и тесно взаимосвязанных составных элементов — установления фактов и применения права» (16, с. 5). Сказанное подтверждает и возможность вычленения из всего комплекса целей уголовного судопроизводства цели доказывания, а изо всех целей деятельности защитника — цели его участия.

Необходимость же такого исследования обусловлена тем, что как раз в указанном аспекте деятельность названного субъекта недостаточна, как нам представляется, исследована в науке уголовного процесса.

Вопрос об эффективности участия адвоката как в уголовном судопроизводстве в целом, так и на отдельных его стадиях уже был предметом научных поисков. Однако до настоящего времени отсутствует единство мнений относительно самого понятия эффективности, объективных критериев оценки данного свойства, системы показателей, свидетельствующих о наличии (отсутствии) эффективности и ее степени.

Термин «эффективность» латинского происхождения и выражает результат, следствие каких-либо причин, действий (см.: 5, с. 322—323). В этом смысле эффективный — значащий эффект, приводящий к нужному результату, а эффективность — результативность, действительность того или иного явления. Когда речь идет о сознательной деятельности, ее будущий результат заранее намечается в цели. Поэтому ее эффективность определяется по соотношению достигнутого результата с намеченными в цели. Названные основные положения и используются, как правило, при характеристике эффективности деятельности защитника.

Так, по мнению И. А. Либуса, «эффективность данного института определяется как соотношение между поставленными перед ним целями и достигнутыми результатами» (13, с. 92). А. Д. Бойков считает, что эффективность судебной защиты — это «степень содействия адвоката — защитника реализации процессуальной функции защиты обвиняемого, измеряемая его вкладом в достижение непосредственных, промежуточных и конечных целей его процессуальной деятельности путем активного использования всех указанных в законе средств и способов защиты» (4, с. 120). Е. Г. Мартыничик также отмечает, что эффективность процессуальной деятельности адвокатов определяется по степени достижения непосредственных целей защиты (см.: 15, с. 71).

Не оспаривая принципиальной правильности высказанного авторами подхода, отметим, однако, присущий их позиции недостаток. Авторы не дают определения самого понятия эффективности, как свойства, характеризующего рассматриваемую деятельность, а сразу указывают на его меру (степень содействия, соответствия и т. д.) или на критерии его оценки (эффективность определяется...). Как качественное свойство того или иного явления, она не может быть степенью чего-либо, а указание на способ определения названного свойства не дает ответа на вопрос о сущности такого свойства. Нам представляется, что эффективность деятельности защитника есть внутреннее его свойство, выражающееся в спо-

собности реализовывать свое назначение в процессе. Поскольку же назначение конкретизируется законодателем посредством закрепления целей деятельности указанного субъекта, последние нужно рассматривать в качестве критериев его оценки. Отсюда эффективность участия адвоката в установлении обстоятельств уголовного дела — это характеризующее ее свойство, способное обеспечивать достижение результата, с фактической стороны соответствующего законным интересам подзащитного. Критерием оценки анализируемого свойства является цель участия защитника в доказывании, как она определена в ст. 23 Основ (ст. 51 УПК РСФСР): добиться выяснения всех возможных обстоятельств, свидетельствующих в пользу обвиняемого. Данный критерий может быть использован как применительно к процессу в целом, так и к стадии предварительного расследования.

Были высказаны в литературе и другие точки зрения, в частности, что эффективность защиты определяется степенью соответствия средств и способов, использованных ею, средствам и способам, оптимальным в данной уголовно-процессуальной ситуации (см.: 12, с. 7). Кроме отмеченного, недостаток подобного подхода, как справедливо заметил А. Д. Бойков, в том, что «здесь эффективность деятельности отделена от ее результата» (3, с. 10). Оптимальное использование средств и способов участия защитника в процессе является лишь одним из основных необходимых условий его результативной деятельности, но само по себе еще не свидетельствует о ее эффективности. Даже при соблюдении этого условия не исключены, как показывает практика, ситуации, когда процесс в целом или его отдельные стадии заканчиваются результатом, при котором остаются нереализованными законные интересы обвиняемого и, таким образом, не выполнено назначение защитника (например, по причине недобросовестного отношения государственных органов к выполнению обязанности по обеспечению права обвиняемого на защиту). Нет оснований считать в этом случае его деятельность эффективной. Нельзя не согласиться с И. Д. Перловым в том, что анализируемое свойство деятельности адвоката должно измеряться результатами реальной защиты прав и законных интересов обвиняемых (см.: 19, с. 146). Кроме того, при указанном подходе возникает необходимость определения понятия оптимальности.

Т. П. Николаева считает, что «эффективность защиты определяется способностью защитника верно наметить цели, из-

брать все возможные законные средства и способы для успешной защиты обвиняемого и реально использовать их» (18, с. 66). В данном случае автор также ограничивается указанием на основные условия, при наличии которых рассматриваемая деятельность будет эффективной.

В связи с определением характера цели, которую нужно брать в качестве указанного критерия, возникает вопрос о соотношении исследуемого свойства деятельности защитника с таким ее свойством, как социальная ценность. В юридической литературе на этот счет высказаны различные мнения. На наш взгляд, правы ученые, рассматривающие их как самостоятельные, но взаимосвязанные понятия. «Ценности, — пишет В. П. Тугаринов, — суть предметы, явления, их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям определенного общества или класса или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов...» (21, с. 11). Следовательно, определение социальной ценности того или иного (в том числе правового) явления выражается в даче ответов на вопросы: для чего оно необходимо, удовлетворению каких общественных потребностей призвано служить? Исследование же его эффективности обусловлено необходимостью дать ответы на вопросы: насколько успешно оно в действительности реализуется в таком своем качестве, способно ли реально удовлетворять потребности? Поэтому обладание социальной ценностью для данного явления выступает необходимым условием его эффективности (см.: 22, с. 9—10), а выявление социальной ценности — необходимым условием постановки вопроса об эффективности. Если же оценка первого свойства оказалась ошибочной, снимается и вопрос об оценке второго. Применительно к деятельности защитника сказанное означает следующее.

Во-первых, социальная ценность рассматриваемого элемента системы уголовного судопроизводства в настоящее время не вызывает сомнения, а потому речь должна идти лишь о выяснении того, насколько в действительности он (элемент) способен удовлетворить ту потребность, ради которой был создан, т. е. об эффективности.

Во-вторых, в качестве критериев оценки эффективности нужно брать не любые цели, а лишь социально полезные (ориентиром для этого служит уголовно-процессуальный закон). Иначе говоря, эффективность деятельности адвоката по конкретному уголовному делу не должна оцениваться по достижению всяких поставленных им перед собой целей (он мог

наметить цели, не отвечающие или не полностью отвечающие законным интересам подзащитного, например, добиться переквалификации обвинения, когда имелись все основания для прекращения дела или оправдания), а только тех, которые он должен был поставить, исходя из имеющихся материалов и своего назначения в процессе.

К числу спорных относится и вопрос о том, нужно ли при определении эффективности учитывать объем затрачиваемых на достижение результата средств, иначе говоря, «экономичность» исследуемого правового явления. И. А. Либус включает последнюю так же, как социальную ценность и полезность, в качестве одного из компонентов в содержание более широкого понятия — оптимальности (см.: 13, с. 92). Я. С. Аврах, говоря об эффективности участия адвоката на предварительном следствии, замечает, что средства и способы защиты должны быть, кроме всего прочего, «экономичными, способными обеспечить оптимальный результат в достижении целей при минимальной затрате сил защитника (1, с. 83). Но нашему мнению, здесь необходимо учитывать следующие соображения. С одной стороны, общество не может безразлично относиться к неоправданной растрате материальных средств (как государственных, так и средств отдельных граждан), связанных с оказанием юридической помощи по уголовным делам, тем более, что они могут быть довольно значительными. С другой стороны, нельзя не учитывать и специфики уголовно-процессуальной деятельности по сравнению с деятельностью экономической и рассматривать материальную выгоду в качестве одной из основных ее характеристик (см.: 20, с. 131). Таким образом, требование минимальности затрат надо, на наш взгляд, принимать во внимание при определении лишь **степени эффективности** деятельности защитника, но не в качестве необходимого условия для признания ее эффективной.

В процессуальной литературе наряду с термином «цель» употребляется термин «задача». Обычно они не различаются и используются как синонимы. Но при исследовании проблем эффективности уголовно-процессуального закона и деятельности по его применению некоторые ученые разграничивают указанные понятия. Задача выступает как то, что необходимо сделать для достижения поставленной цели (см.: 11, с. 221). Возникает вопрос: какое отношение к критериям эффективности имеют задачи деятельности защитника в указанном понимании? Нам представляется, что их тоже можно рас-

сма́тривать в качестве критериев, но только носящих вспомо- гательный характер по отношению к цели. Сопоставляя достигну́тый адвокатом результат по делу с поставленными перед ним целями, необходимо вычлени́ть его вклад в общий результат процесса (в чем и заключается основная трудность определения эффективности участия отдельных субъектов судопроизводства). Решению данной проблемы и должно в какой-то мере способствовать использование указанного критерия. Суть его в том, что наличие в деле максимума обстоятельств, свидетельствующих в пользу обвиняемого, необходимо рассматривать в качестве результата деятельности защитника лишь тогда и в той мере, когда и в какой мере это было следствием выполнения стоящих перед ним задач, т. е. когда им были использованы все предусмотренные законом средства и способы участия в доказывании. С другой стороны, добросовестное выполнение адвокатом своих обязанностей далеко не всегда приводит к достижению намеченной им цели, соответствующей законным интересам его подзащитного. Такой исход во многом зависит от того, как к его просьбам, требованиям и т. д. отнесутся государственные органы, уполномоченные устанавливать соответствующие обстоятельства. Эффективность деятельности интересующего нас участника оказывается таким образом несколько производной от деятельности последних. По указанной причине должен быть дифференцированным подход к определению причин неэффективной и низкоэффективной защиты, а также ответственности защитника за это.

Е. Г. Мартыничик правильно, на наш взгляд, указывает на необходимость различать критерии эффективности деятельности защитника и ее показатели, что обычно не делается в процессуальной литературе. Однако различие между ними он видит в том, что первые характеризуют деятельность адвоката с качественной стороны, а вторые — с количественной (см.: 15, с. 72—73), и тем самым сводит все показатели к количественным, с чем нельзя согласиться. Показатели также могут носить качественный характер, поскольку, как справедливо заметили В. Н. Кудрявцев и другие авторы, не всегда возможно планируемый в цели и достигнутый результаты выразить одноименными количественными величинами (см.: 9, с. 168—169). Например, если иметь в виду деятельность защитника по конкретному уголовному делу, то вряд ли удастся выделить такую совокупность количественных показателей, которые свидетельствовали бы одновременно и о

качестве защиты. В этом случае рассматриваемая деятельность может быть объективно оценена лишь посредством метода экспертных оценок. Другое дело, когда речь идет о массовом изучении уголовных дел и обработке материалов статистической отчетности. Здесь без количественных показателей не обойтись. Выведенные на их основе статистические закономерности будут свидетельствовать и о качестве исследуемой деятельности. Основное же отличие между рассматриваемыми понятиями заключается, по-видимому, в том, что критерий — это эталон для оценки (путем сравнения с ним достигнутого результата), а показателем выступает получаемый при сравнении результат, т. е. информация о степени достижения цели.

Использование защитником всех предусмотренных законом средств участия в доказывании (выполнение задач) означает, на наш взгляд, как минимум: 1) полное их использование с точки зрения широты охвата (всех без исключения); 2) активное их использование (во всех случаях, когда для этого имелись основания); 3) последовательное и настойчивое их использование.

Об этом, применительно к стадии предварительного расследования, будут свидетельствовать, по нашему мнению, такие показатели (данные):

1) соотношение общего количества дел, в которых участвовали защитники, с количеством дел, где использовалось то или иное средство защиты: а) заявлялись ходатайства (о совершении следственных действий и каких именно, о приобщении представленных документов, о приобщении представленных вещественных доказательств и т. д.); б) защитник принимал участие при производстве следственных действий и каких именно; в) защитником задавались вопросы обвиняемому и другим субъектам (если он принимал участие в допросах); г) защитник представлял письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколах следственных действий, в которых он принимал участие; д) защитник предлагал в письменном виде вопросы эксперту (если по делу проводилась экспертиза); е) защитник знакомился с материалами дела до предъявления обвинения (по делам соответствующей категории); ж) защитник имел свидание с обвиняемым наедине; з) защитник заявлял отвод следователю; и) защитник подавал жалобы на действия и решения следователя, прокурора;

2) соотношение интенсивности использования различных

видов средств защиты при участии в доказывании;

3) соотношение количества дел, по которым использовалось то или иное средство защиты в стадии предварительного расследования с таковым на других стадиях процесса, и прежде всего в судебном разбирательстве;¹

4) соотношение количества отклоненных ходатайств, направленных на установление соответствующих обстоятельств, с количеством поданных жалоб на решения следователя и прокурора.

О степени достижения адвокатом цели участия в доказывании, т. е. о собственно результативности его деятельности в рассматриваемом аспекте, будут свидетельствовать, на наш взгляд, следующие показатели:

— а) соотношение количества заявленных защитником на данной стадии процесса ходатайств, направленных на установление благоприятных для подзащитного обстоятельств, и поданных жалоб на решения об их отклонении с количеством удовлетворенных;

— б) процентное соотношение удовлетворения ходатайств с другими их видами;

— в) соотношение общего количества дел с участием защитника на предварительном следствии с количеством дел, направленных на дополнительное расследование прокурором из стадии предания суду, судебного разбирательства, кассационной и надзорной инстанций;

— г) соотношение количества случаев возвращения дел на дополнительное расследование соответственно с участием защитника на предварительном следствии и без такового;

— д) соотношение общего количества дел с участием защитника на предварительном следствии с количеством таких, по которым затем был вынесен оправдательный приговор или дело было прекращено на последующих стадиях;

— е) соотношение количества случаев вынесения оправдательного приговора и прекращения дел на последующих стадиях процесса соответственно с участием защитника на предварительном следствии и без такового;

— ж) соотношение количества случаев прекращения дел в стадии предварительного расследования по делам с участием защитника и без него;

— з) соотношение общего количества дел с участием защитника на предварительном следствии с количеством таких,

¹ Главным образом, ходатайства,

по которым им не заявлялось в этой стадии никаких ходатайств, хотя дело было затем прекращено самими органами следствия, распорядительным заседанием суда и суд вынес оправдательный приговор.

В заключение хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что любой из приведенных показателей, если его рассматривать в отрыве от других, не способен нести объективную информацию об эффективной деятельности адвоката. Только комплексное их использование во взаимосвязи может отразить реальную роль данного субъекта в установлении истины по делу в стадии предварительного расследования.

1. Аврах Я. С. Некоторые вопросы эффективности защиты в предварительном следствии // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976.
2. Анашкин Г. З., Петрухин И. Л. Эффективность правосудия и судебные ошибки // Сов. государство и право. 1968. № 8.
3. Бойков А. Д. Проблемы эффективности судебной защиты: Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М., 1974.
4. Бойков А. Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М., 1978.
5. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1978. Т. 30.
6. Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983.
7. Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
8. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973.
9. Кудрявцев И. Я. Эффективность правовых норм. М., 1980.
10. Лазарев В. В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972.
11. Ларин А. М. и др. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979.
12. Левин С. С. Эффективность участия защитника в кассационном производстве по уголовным делам: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Таллин, 1974.
13. Либус И. А. Эффективность защиты в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1974. № 3.
14. Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. М.: Изд-во ЛГУ, 1985.
15. Мартынич Е. Г. Эффективность деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1979. № 5.
16. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
17. Некрасова М. П. Правовые и нравственно-психологические аспекты судебной защиты. Калининград, 1984.
18. Николаева Т. П. Эффективность участия защитника в суде по уголовным делам // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе, Воронеж, 1981.